

ГЛОБУС КОНЧИЛСЯ?

Трагизм социального бытия чувствовали еще древние греки: столкновение родовых и государственных норм выражает трагедия Антигоны, а бессилие человека перед роком, его неспособность предвидеть ход событий выражены трагедией Эдипа. Статья же Игоря Яковенко говорит о неустранимом трагизме истории вполне рационально. Ввиду чрезвычайной важности поднятой темы предлагаем нашим читателям ответить на следующие вопросы (самые интересные ответы будут опубликованы).

А первые отклики публикуем сегодня.

1. Существуют ли исторические закономерности, которые невозможно изменить никакими человеческими усилиями?

2. Если субъектом истории не является человек, то что служит движущими силами истории? И как следует отдельной личности вести себя по отношению к этим силам, если они неодолимы?

3. Есть ли какая-то «передовая» социальная группа, способная предвидеть ход исторического процесса? Выдвигавшиеся на эту роль интеллигенция и рабочий класс явно с этой миссией не справились.

Алексей Машевский, поэт, философ (Санкт-Петербург)

1. Человек — существо, живущее в Культуре. По поводу, что такое культура, существует не менее нескольких сотен суждений. Не ввязываясь в дискуссию, укажу только на принципиально виртуальную природу человеческой культуры.

Животное существует в своей экологической нише. Информационное поле, ему доступное, ограничивается потребностями выживания, соответствующими данной природной среде и физиологическим особенностям определенного вида. Попугай, порхающий в лесах Амазонки, знать ничего не знает о льдах Антарктики, тем более о планетах и звездах Млечного Пути. Он не рефлектирует по поводу возможности извержения супервулкана или прилета пришельцев. Мы, люди, — другие. Наша духовность, состоящая в рефлексии, то есть способности не только существовать, но и искать смысл своего существования (значит, давать оценку себе и всему, с чем мы вступаем в контакт), делает нас потенциально открытыми тотальности любых природных феноменов. Как только в существе вида *homo sapiens* пробуждается искра духа¹, оно оказывается один на один с бесконечно избыточным информационным полем, выжить в котором можно лишь, наложив на горизонталь природных форм вертикаль ценностных предпочтений. Важнейшая функция культуры, в коконе которой, выйдя из природы, теперь только и может существовать человек, состоит в том, чтобы снять избыточную информационную нагрузку за счет отделения важного и значимого от второстепенного и маргинального. Вся проблема только в том, что мы далеко не всегда можем знать, что является значимым, а что маргинальным.

Исторически возникает множество различных культур, одних сменяют другие. Но все они задают определенную целостную мифологему миропонимания, позволяющую

---

¹ С эпохи классицизма стало принято называть ее разумом.

человеку структурировать информационное поле, в котором он живет, и минимизировать количество факторов, влияющих на выбор жизненных стратегий.

Очевидно, что упрощенная модель мира, фиксируемая мифологемой, всегда отлична от оригинала, отлична от наличной Реальности в ее совокупности имманентных и трансцендентных форм. Однако сказка ложь — да в ней намек... Виртуальный образ мира, поддерживаемый данной культурой, на определенной стадии исторического развития действительно может выражать существенные черты социальной и природной реальности. Он помогает выработать адекватный ответ на вызовы времени. К сожалению, не навсегда.

Стержневая мифологема тесным образом связана с историей данной человеческой общности, традициями, религией, языком, ментальными установками. Однако время идет, климатические, демографические, экономические, технологические, геополитические, социальные условия меняются, а выработанная данной культурой мифологема остается прежней. Отказаться от нее зачастую бывает труднее, чем уйти с исторической сцены. Вернее, такой отказ и знаменует для данной цивилизации уход с исторической сцены. Есть, конечно, весьма пластичные культуры, допускающие широкую трансформацию базовых мифов, как бы задающих «ментальную группу крови» определенного народа. Но рано или поздно они все равно приходят в противоречие с Реальностью, разрывая сковывающую оболочку виртуальной мифологемной матрицы. В этом, собственно, и состоит трагизм исторического процесса, делающего неизбежным крах любой конкретной культуры, любой сложившейся системы верований, любого образа жизни². В основе всех перманентно случающихся в истории кризисов — сама противоречивая природа человека: существа *ограниченного* в плане своих физических и ментальных возможностей, но нуждающегося в *целостном* (то есть *безграничном*, учитывающая тотальность Универсума) видении мира для *осмысленной* жизнедеятельности.

Мы вряд ли способны своими усилиями ликвидировать описанное выше противоречие. Потому исторической закономерностью будет оставаться кризис и распад любой социальной общности, чьи модели мировидения начинают приходить в противоречие с действительностью. Сейчас в такой кризис входит поствозрожденческая потребительская цивилизация, основанная на науковерии и либерализме.

2. В соответствии с тем, что было сказано выше, движущей силой исторического процесса служат большие и малые кризисы, заставляющие отдельного человека и социальные общности (выжившие во время цивилизационного коллапса) менять систему мифов и идеологем, или, говоря проще, свое сознание. Это приводит к частичному или полному переформатированию культуры, естественно сопровождающемуся социальными потрясениями, гибелью значительной части населения и распадом прежних цивилизационных форм.

При этом хочу заметить, что, с моей точки зрения, именно человек является субъектом исторического процесса, в отличие от биологических видов — субъектов биологической эволюции или гипотетических субъектов постистории, каковыми, по-видимому, станут носители искусственного интеллекта. А это значит, что человек и человечество не является высшей целью, а служат всего лишь необходимым звеном развития Универсума. Признание этого очевидного факта, как мне кажется, заставляет считать

² Кстати, если вдуматься в сказанное, станет очевидным, что никакого «конца истории» до тех пор, пока ее субъектом является *homo sapiens*, не предвидится. Просто потому, что, во-первых, не может существовать одной тотальной мифологемы (одной тотальной виртуальности — виртуальных миров по определению много) и, во-вторых, никогда ни одна человеческая мифологема не сможет описывать Реальность с исчерпывающей полнотой. Разве что на земле наступит Царство Божие, и все будут пребывать неотменно в Его воле, то есть осуществлять свою жизнедеятельность согласно Божественному всеведению.

ущербными этические системы, провозглашающие интересы человечества наивысшей ценностью. Вообще, на процессы, происходящее в социуме, следует смотреть с точки зрения, выведенной за пределы социальной плоскости. Это освобождает от многих идеологических детерминаций, но усиливает осознание трагичности бытия.

3. Никакой класс или социальная группа зафиксировать нарастающее несоответствие Реальности и ее виртуальной интерпретации, закрепленной в культуре, не в состоянии, хотя бы потому, что классы и социальные группы сами являются частью данной культурной парадигмы. Это несоответствие ментально ощущается каждым человеком, выражаясь в овладевающем всеми духе исторического пессимизма.

На уровне же артикулируемых высказываний предвидеть ход исторического процесса удастся тем, кто обладает, так сказать, развитым индивидуальным механизмом контакта с Реальностью. Это пророки, художники, философы, ученые — разумеется, я имею в виду тех, кто является таковыми по призванию, а не по своему социальному статусу. Вообще предвидеть будущее способен каждый, кто, во-первых, имеет в себе силы выйти из автоматизма задаваемых данным социумом жизненных сценариев и, во-вторых, владеет аппаратом описания, развитыми языками — философским, теологическим, художественным, научным, — учитывая при этом историческую изменчивость их форм.

Александр Мелихов, писатель (Санкт-Петербург)

1. Я бы скорее сказал, что существуют исторические случайности, меняющие ход событий неуправляемым образом. Это могут быть климатические изменения, новые технологии или коллективные мечты, как религиозные, так и социальные, но все они не управляются волей отдельных лиц или отдельных групп.

2. Что бы ни служило движущими силами истории, эти силы, как правило, не имеют отношения к индивидуальной морали, и потому нет никаких оснований вменять себе в обязанность содействие им. А поскольку противостоять им отдельной личности не под силу, то ей остается лишь руководствоваться эстетическими критериями: по возможности не делать того, что лично ей представляется безобразным, и поддерживать то, что представляется ей красивым. И не могу представить, чтобы кто-то мог ощущать красивой поддержку исторических сил, стирающих с лица земли то, что ему дорого. Продлевать жизнь тому, что любишь, даже после его исчезновения — в человеческой памяти, — разве не ради этого мы все и живем?

3. Предвидеть меняющие ход истории случайности и их последствия еще никому не удавалось: последствия любых человеческих поступков всегда тонут в лавине побочных эффектов. Однако всегда находятся отдельные личности, которым удастся вовремя перейти на сторону будущего победителя, — они-то и склонны называть его успех прогрессом.

Константин Фрумкин, философ (Москва)

1. Вопрос сформулирован не вполне корректно, поскольку движение мировой истории со всеми ее закономерностями само является результатом человеческих усилий. Соответственно, возникает вопрос, кто «субъект усилий», который будет менять движение истории.

Если под человеком понимать человека как родовое существо, как человечество — то оно само творит историю с поправкой на влияние географических, природных и тому подобных факторов.

Если же взять одного человека, любого индивида — то встает вопрос: может ли индивид своими усилиями преодолеть усилия миллионов других индивидов? Ответ, разумеется, отрицательный.

Если под «человеческими усилиями» понимать усилия политические, то они приносят результат, как правило, не очень долгосрочный — ибо горизонт планирования у людей невелик, да и человеческая жизнь коротка. Однако опыт коммунизма показывает, что благодаря политическим усилиям в мировой и национальной истории могут появляться «развилки».

Возвращаясь же к вопросу о закономерностях, нужно отметить, что важнейшей силой мировой истории является стремление человека улучшить свою жизнь, которая, используя способности человеческого разума, порождает идущую через всю мировую историю тенденцию к увеличению технологического могущества социальных систем, сопровождаемому многими побочными следствиями — в частности, ростом продолжительности жизни, ростом численности человечества и другими аспектами развития цивилизации.

2. Фундаментальной движущей силой истории является человеческая природа, включающая в себя, в частности, интеллектуальные способности, что, в свою очередь, порождает производную психологическую силу — ту, что называют прогрессом, или, как говорил Маркс, развитие производительных сил. Важным обстоятельством также является идущее в истории дарвиновское соревнование и отбор человеческих коллективов, технологий и алгоритмов социального взаимодействия. Что касается отдельной личности, то для нее взаимодействие с историческими силами выступает в форме простого и повседневного взаимодействия с окружающей средой. Тут у человека две стратегии: прогнуться под мир или прогнуть мир, то есть адаптироваться к среде или изменять среду. Хотя способность к изменению среды у индивида и невелика, она не нулевая, каждое нестандартное взаимодействие хотя бы немного меняет среду, а если человек оказывается синхронным в своих действиях с другими людьми — среда меняется, а индивид сам оказывается частью исторических сил.

3. Предвидение будущего — дело не социальной группы, а отдельного интеллектуала, учения, теории, науки, аналитического центра. Предвидят будущее такие люди, как Рей Курцвелл, Артур Кларк или Маркс — разумеется, с большим количеством ошибок. Но понятие «передовой» группы связано не со способностью предвидеть (это вопрос теории), а с тем, что эта группа уже вовлечена в социальные отношения, которым суждено распространиться и стать доминирующими в будущем обществе. Сегодня — насколько это вообще можно предвидеть — такой передовой группой кажутся фрилансеры и представители «креативного класса», не связанные жестко с одним местом работы и даже с одной страной, легко меняющие проекты и местожительства и способные стать проводниками прогресса на его нынешнем этапе. Человек будущего — креативный космополит-фрилансер. Впрочем, за его спиной виден и другой, менее привлекательный социальный персонаж будущего — паразит, вечный безработный, не нашедший себя в роботизированном мире будущего и рассчитывающий только на социальные выплаты.

Вячеслав Рыбаков, писатель (Санкт-Петербург)

1. Один из самых симпатичных и человечных персонажей братьев Стругацких, Виктор Банев из «Гадких лебедей», в ответ на мизантропические филиппики своей подруги в адрес человеческой природы заметил: «В прошлом веке в провинции это еще как-то звучало бы... общество, по крайней мере, было бы сладко шокировано, и блед-

ные юноши с горящими глазами таскались бы за тобой по пятам. Но сегодня это уже очевидности. Сегодня уже все знают, что есть человек. Что с человеком делать — вот вопрос. Да и то, признаться, уже навяз в зубах».

Боюсь, примерно так же дело обстоит и с историческими закономерностями.

Разум — не более чем средство получать «продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами». Человек от начала времен придумывает себе орудия, средства и формы организации, чтобы побеждать погарантированное, жить полегче и есть послаще, но только и знает, что со скрежетом зубовным, а подчас и с ужасом приспосабливается к собственным выдумкам, к тем неожиданным, непредвиденным и порой принципиально непредвидимым опасностям и издержкам, что они с собой несут.

Скажем, неолитическая революция — переход человеческих общин от охоты и собирательства, от полной подчиненности сиюминутной удаче к принципиально более надежному и более продуктивному хозяйству, основанному на земледелии и одомашнивании животных. Если уж научились делать, скажем, мотыгу и если уж поняли, что, посеяв зерно, почти наверняка, приложив толику стараний, будешь сыт — обратного хода нет. Ни один нормальный человек не пойдет в контрреволюционеры. А если кто и пойдет из неких смутно-горделивых соображений или из верности традициям, враз ставшим нелепыми, тот обречет себя и свою семью на голод, на полную зависимость от случая, на бесконечное продолжение непосильных блужданий по лесам в поисках хоть заваливающей мышки, которую можно будет, давясь с голодухи слюной, обглодать до хвостика. И все это тогда, когда соседи, чтоб им пусто было, беззаботно жрут теплый душистый хлеб, выращенный и испеченный своими руками!

Но тут-то, как гром среди ясного неба, неожиданно-негаданно приходит конец первобытному равенству и начинается классовое общество со всеми его прелестями.

Еще открытие пороха называют революцией в военном деле. Рубились-рубилась, из луков и арбалетов постреливали — и вдруг бац! Бомбарды, мушкетеры... Латы — насквозь, крепостные стены — вдребезги. Все меняется радикально: тактика, стратегия, фортификация, логистика, военное финансирование, представления о мастерстве и мужестве... Нельзя сказать, что меняется к лучшему. Просто все это отвратительное дело — массовое избиение друг друга — становится на порядок более эффективным, и придерживаться старых норм оказывается невозможно. Оказывается самоубийственно, вот в чем дело. Контрреволюционер тут — если он, конечно, не безоружный святой — просто дурень; ему не дорога ни своя жизнь, ни жизни тех, кто ему доверен и за кого он отвечает. Но ведь безоружный святой — вообще вне этого процесса. Он и против избиения друг друга мечами и протазанами возражал.

И запустился процесс, который в итоге сnivelировал такие замечательные качества, как личная храбрость, верность ограничивающим зверство боевым ритуалам, благородство к противнику... Пузатый оператор ударного дрона играючи, между двумя анекдотами разбрызжет и лучника Робина Гуда, и Дон Кихота с его копьем наперевес, и Роланда с Дюрандалем, и Артура с Эскалибуром. Хотя обесточь его на пару минут — сам по себе он никто. Ничтожество, винтик механизма глобальных репрессий, наученный только нажимать кнопки, а в свободное от убийств время — с бутылкой пива в руке орать перед телеэкраном, когда хавбек удачно проходит по краю. И при том уверенный, что — свободен.

У нас на глазах произошла еще одна явная революция. В один прекрасный день ничего никому плохого не сделавшие мастера и мастерицы эпистолярного стиля, со всем их великолепным, бисерным почерком, с их надушенными ленточками для перевязывания пожелтевших любовных посланий, оказались обречены на сухой, безликий э-мэйл. Хоть после каждого слова смайлики ставь — души тексту не добавишь. Однако ж кому охота ждать ответа на свои письма неделями, да еще и волноваться —

вдруг почтальон мешок с почтой в канаву уронит... Контрреволюционеру вместо того, чтобы в тридцать секунд одним пальцем набрать интересующий его топик в поисковике, придется попотеть, за любой справкой волочься в библиотеку. И ради каждого письма тащиться на почту, покупать конверт, наклеивать марку, потом снова тащиться — под дождем ли, в пургу ли — к почтовому ящику... При том, что даже все эти сизифовы усилия не дадут ему ни малейшего шанса прикрепить к письму самый коротенький аудиофайл. Право возиться с бумажками у контрреволюционера, конечно, есть. Но смысла в реализации этого права — ни малейшего. Только себя мучить.

Но вот — игровые зависимости, порносайты, флеш-мобы, инструкции по минно-взрывному делу в каждом доме...

Всякое масштабное изменение — это потери. Невосполнимые, горькие. Я так хорошо мышей в лесу выслеживал, лучше всех в племени, жена мной гордилась, дети мной восхищались, соседи мне завидовали, я только-только собирался старшему сыну свои производственные секреты передавать, а вы, окаянные хлеборобы, сделали мой талант и мои отточенные навыки никому не нужными и просто смешными!

Однако принципиально важно усвоить вот что.

Вред, который изменения к новому наносят тем, кто не может к ним приспособиться, кто им сопротивляется или просто складывает руки и идет ко дну, НИЧТОЖНО МАЛ по сравнению с тем вредом, который наносят те, кто, вовсе не сопротивляясь изменениям, порой напротив — приспособляясь к ним быстрее остальных, начинает использовать их в своих эгоистических, корыстных интересах.

Полагаю, под пышным и ничего не объясняющим термином «исторические закономерности» скрывается что-то подобное. Вопрос не в том, соглашаться ли с тем, что такие закономерности сильнее индивидуальных воль, желаний и иллюзий, или не соглашаться. Ясно, что сильнее. Вопрос в том, что с закономерностями делать. А ответ, думаю, вот каков: пытаться их понять, а поняв, извлечь максимум самым широким образом понимаемой пользы. Не переть против изменений, которые все равно произойдут, а по возможности ставить их себе на службу.

Одна из легко вычисляемых польз такого рода — поелику возможно облегчать участь тех, кто от назревших, неизбежных изменений теряет. Даже если тебе лично на них в силу особенностей твоего характера плевать — все равно ломать голову над тем, как подстелить им, падающим в слишком жесткое и угловатое будущее, хоть клочок соломки.

Уже потому хотя бы, что все ярые сторонники обновления тоже когда-нибудь состарятся и тоже окажутся одинокими и бесприютными в совершенно чуждом им мире, и этот мир тоже будет в очередной раз решать, оставить их подыхать под забором, объяснив напоследок, что они такой конец закономерно заслужили, или проявит толику милосердия. Нет кары страшней, чем долгая бессмысленная старость в ушедшем далеко вперед мире, которому ты давно осточертел. Вот посмотреть хоть на Михаила Горбачева. Ему и загробного ада уже не надо.

А еще — для того, чтобы меньше становилось тех, кто сопротивляется новому. Чтобы новое не приходило ни шатко ни валко, через пень в колоду. Чтобы оно не искажалось старым, не запаздывало, не оказывалось слишком болезненным, не вызывало слишком сильного отторжения. Чтобы противники изменений становились их сторонниками. Ведь новое все равно придет — но чем более мучительным будет его приход, тем меньше от него будет толку. И самое главное: пока ты будешь мыкаться с его насильственным, по трупам, внедрением, пользу из него, из этого нового, извлекут другие. Твои конкуренты. Да и просто эгоисты, прохиндеи, преступники. И ты, именно ты, окажешься в проигрыше. Всего лишь потому, что спокойно констатиру-

вал: те, кто не может приспособиться к новому, должны вымереть, и ничего тут не попишешь.

Попишешь. Если захочешь. Если уразумеешь.

2. Движущими силами истории являются, похоже, научно-технический прогресс, его социальные последствия, попытки психологического приспособления к ним и юридического их введения в приемлемые рамки.

Эти силы неодолимы.

И все же — одолимы.

Например, главной и судьбоносной исторической закономерностью современности является то, что после вовлечения красного Китая в мировое разделение труда и мировую финансовую систему, распада СССР и краха коммунистического проекта капитализм стал фактически глобальным, и после этого глобус кончился.

Между тем система постоянно расширяющегося воспроизводства, на которой стоит капитализм, не может существовать без экономической, а если экономика подводит, то силовой экспансии. Когда расширяться некуда, когда число потребителей уже невозможно увеличить, экономика падает и капитализм рушится сам собой, по внутренним причинам, безо всяких большевиков. Большевики возникают тогда, когда капитализм в кризисе, а не наоборот. Расширяться ныне стало некуда. Даже завоевание Марса тут не поможет, потому что вряд ли даже после такого триумфа количество рабочих мест на Земле удастся существенно увеличить за счет продажи тампаксов прекрасным марсианкам.

Человечеству придется приспособливаться к этой новой реальности.

Одной из версий такого приспособления является создание относительно небольшого мирового острова — впрочем, скорее архипелага — стабильности и процветания, окруженного стремительно варваризирующимся миром нарочито разжигаемых национальных и религиозных конфликтов, хаоса, старых и новых болезней, примитивных технологий и примитивных эмоций. Все мало-мальски талантливое и продуктивное в этом мире должно будет стать Ванами, Иванами — да, в общем, и Джонами тоже, не помнящими не только своего родства, но даже своего пола, безликими родителями А и Б с неизвестной гендерной принадлежностью, и благодаря этому обновлению безо всякой рефлексии нескончаемо кочевать туда, где комфортней, соглашаясь там на любую роль. Остальные, кто помнит родство, кто верит во что-то, кроме стремления просто выжить хоть чучелом, хоть тушкой, обречены будут за эту свою память и эти свои веры нескончаемо воевать друг с другом и уничтожать друг друга. Так будет обеспечиваться безопасность и неприкосновенность архипелага. Так будет сокращаться население, что в обществе потребления является единственным способом идти в ногу с истощением и сокращением мировых ресурсов. И так, сколь бы парадоксальным это ни казалось, для промышленности архипелага будут открываться новые рынки, потому что в мире хаоса вообще не станет промышленности; варвары будут истреблять друг друга в штанах, пошитых в архипелаге, оружием, сделанным в архипелаге, ради барахла, купленного в архипелаге, и развлекаться блокбастерами о прогрессивном истреблении злых варваров, снятыми в архипелаге.

Является ли возникновение такого мира исторической закономерностью?

Нет, конечно.

Историческая закономерность — это то, что глобус для капитализма должен был раньше или позже кончиться, и вот он кончился.

Остальное — лишь целеполагание весьма немногочисленной части человечества, лишь проект, основанный на использовании исторической закономерности в корпоративных корыстных целях.

Если оно не напорется на какое-то иное — обязательно диаметрально противоположное, просто принципиально иное — целеполагание, то проект реализуется. И тогда уж те, кто его реализовал, получат полное право сказать, что он был ОБУСЛОВЛЕН исторической закономерностью.

А если напорется, тогда начнет возникать некая новая реальность, которая не будет целиком соответствовать ни тому целеполаганию, ни этому, а окажется чем-то совсем третьим. Но это третье наверняка будет не столь кособоким, не столь несправедливым, не столь щедрым к подлому меньшинству и не столь безжалостным к облапошенному большинству.

Конечно, если твое целеполагание — это всего лишь загодя подготовить себе тепленькое местечко на архипелаге, тогда, понятно, для тебя эта тенденция неодолима.

Увы, если ты, как Дон Кихот, один-одинешенек выступишь с копьем совести против дрона планов влиятельнейшей мировой группы, ты тоже вряд ли многого добьешься.

Хотя уже сам факт такого выступления даст понять, что альтернатива все-таки возможна.

У другого персонажа Стругацких, Кандида из замечательной «Улитки на склоне», поиски нравственной истины завершились так (прошу прощения за длинную цитату): «А дальше? Обреченные, несчастные обреченные. А вернее, счастливые обреченные, потому что они не знают, что обречены; что сильные их мира видят в них только грязное племя насильников; что сильные уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов...; что все для них уже предопределено и — самое страшное — что историческая правда ...не на их стороне, они — реликты, осужденные на гибель объективными законами, и помогать им — значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке его фронта. Но только меня это не интересует... Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходящего слова... Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали! Если бы меня подобрали эти..., вылечили и обласкали бы, приняли бы меня как своего, пожалели бы — что ж, тогда бы я, наверное, легко и естественно стал бы на сторону этого прогресса, и Колченог, и все эти деревни были бы для меня досадным пережитком, с которым слишком уж долго возятся... А может быть, и нет, может быть, это было бы не легко и не просто, я не могу, когда людей считают животными. Но может быть, дело в терминологии, и ... все звучало бы для меня иначе: враги прогресса, зажавшиеся тупые бездельники... Идеалы... Великие цели... Естественные законы природы... И ради этого уничтожается половина населения? Нет, это не для меня. На любом языке это не для меня. Плевать мне на то, что Колченог — это камешек в жерновах их прогресса. Я сделаю все, чтобы на этом камешке жернова затормозили».

А действительно — что дальше?

Дальше...

Дальше — никто еще не опроверг тот простенький тезис, что идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами.

3. Предвидеть можно лишь то, что жестко запрограммировано, задано однозначно. Даже профессионалы-метеорологи то и дело попадают впросак с такими простыми предвидениями, как прогнозы погоды. А исторический процесс еще более стохастичен, еще более наполнен качественными скачками и, следовательно, еще более многовариантен.

Но дело-то в том, что, в отличие от погоды, он проявляется через чувства, мысли, планы и действия людей, а значит, в определенной мере от них все же зависит. Основные его закономерности, если смотреть непредвзято и неангажированно, вполне

просматриваются, а дальше речь идет уже о желании, воле и искусстве использовать эти закономерности для достижения своих целей. Вопрос в том, каковы эти цели, насколько они смертоносны для окружающих. Мы же не спорим, этичен или нет процесс деления урана, способен ли человек ему противостоять, а если не способен, то что ж тогда нам, бедным, делать. Просто одни делают атомную бомбу, а другие — ледокол.

Стоит заглянуть в песочницу, где одни трехлетние малыши, высунув от сосредоточенности языки, затаив дыхание, благоговейно пекут куличики, а другие, тоже трехлетние, растущие с ними бок о бок, с хохотом эти куличики топчут. Одни получают радость и наслаждение от созидания, другие от разрушения. Откуда это берется, когда, в каком возрасте? Почему у одних трудолюбие есть, стыд есть, бережность есть, сострадание есть, и с возрастом они, если только не надламываются под давлением обстоятельств, лишь развиваются, осознают себя, ищут и находят средства поведенческой реализации, а у других — вообще ни фига подобного? Вот где собака зарыта...

Но, полагаю, она зарыта во всех социальных слоях более или менее равномерно. Во дворцах и в хижинах, в столицах и в глубинке. Среди мужчин и женщин. Среди родителей А и родителей Б.

Другое дело, как людям, жаждущим всю жизнь печь какие-нибудь полезные, нужные, добрые куличики, находить и опознавать друг друга, координировать усилия, учиться доверять один другому? Это — проблема. Но она явно выходит за рамки заданных редакцией вопросов. А я и так тут слишком много наговорил.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Прежде всего договоримся о позициях, с которых будут идти рассуждения. Если мы всецело принимаем эту, заданную позицию — никем и ничем не изменяемых событий, то это трагический, почти античный фатализм или же откровенный детерминизм. Если мы будем пытаться спорить с этим положением — тогда это в лучшем случае вариация адаптационного процесса. Но тогда кто и к кому здесь приспособливается? Человек ко времени — или время к человеку?

Время — категория неодушевленная, континуум «пространство-время» — абсолютно космический, изначально установленный и безличный. К человеку он имеет непосредственное отношение только лишь потому, что человек его ОСОЗНАЛ. И это осознание приспособил под себя, под свою возможность мыслить, под свой, по Тейяру де Шардену, психизм: назвал все именами, обозначил символами, подвел под категории, расчленил на набор признаков, — одним словом, хорошенько поработал с материалом. В данном случае и это осознание — материал, и время — материал, и тем более история, не только история Земли, но и история цивилизации на ней — материал.

Мы все и всегда работаем с материалом. Каменщик строит дом, философ строит здание осмысления сущего. Время к человеку не может приспособиться прежде всего потому, что мы думаем: время — не одушевлено. Но кто всецело поручится, что это так? В сознании верующего одушевленный Богом Космос — это единая субстанция, Дух, по вере, пронизывает все, он реет, где хочет, и Дух Святой — быть может, самая серьезная космическая реальность, которую просто еще не вогнали в набор формул и констант; не поверили гармонию алгеброй, сиречь наукой.

Самый трагический, для человека воистину ужасный вопрос здесь — вопрос смерти. Если есть фатальная неизбежность конца всеобщего движения, значит, всемирную гекатомбу невозможно остановить, предупредить, нельзя обезвредить то время, в котором она наверняка состоится?

Если к своей смерти мы, за всю жизнь, приучены относиться хотя бы с виду спокойно (однако все знают, что это главная трагедия отдельно взятой жизни — уход с Земли — и главная ее несправедливость!), то к грядущей смерти цивилизации мы спокойно отнестись не можем. Все в нас восстает против всепланетной обреченности. Иван Ефремов в «Часе Быка» писал о пороге Синед Роба, при переходе через который цивилизация уже обречена, и обратного исторического хода нет. Такая цивилизация никогда не сможет выйти в Большой Космос и достигнуть высот развития — именно потому, что она довольно быстро сама обрекает себя на уничтожение.

Неизменяемые исторические закономерности? Да вот же они: начнем: *повторяемость революций*. Революции будут приходиться в общество регулярно. И уходить, оставляя после себя — что? цветущий сад или выжженную пустыню? Правомерны оба варианта. Но факт повторяемости революций — несомненен. *Повторяемость войн* — разве мы от них ушли хоть на йоту? И разве уйдем? Данте гулял по кругам Ада, и мы по ним гуляем тоже: просто для нас, для цивилизации, эти круги растянуты в пространстве-времени, только и всего. В великой «Божественной комедии» вся эта философская формула очерчена сильнее некуда. Мне скажут: но ведь вектор на Рай тоже уже задан!

Господи, не есть ли Райский Сад несбыточная мечта человека и человечества, лицом к лицу оказавшегося с бесчеловечием и холодными мирами, с жестокостью красиво, да, но абсолютно равнодушно упорядоченной Вселенной...

Итак, повтор. Реприза. Любая реприза уже — рок. Закономерность. Ничто не повторяется просто так; любой цикл имеет внутренние ритмы. Реприза — музыка миров. В том числе и человеческого.

Терроризм, как социальный вид, подвид войны, тоже набирает обороты и повторяется. *Повторяемость терроризма* — иллюзия безвыходности или ее реальность? Часть общества живет внутри этого террористического цикла. Поручить его — значит найти, открыть механизм его закономерности. Только ли в энергетике радикального ислама дело? Может быть, дело в чем-то другом? И надлежит вытащить на свет эту тщательно упрятанную тайну?

2. Еще раз: давайте разделим сами себя на два громадных духовных региона. Первый регион — верующие. Второй — неверующие. Атеистов гораздо больше, чем мы можем себе представить. Верующий человек говорит: «Все в руке Божией». И склоняется перед Богом, и повторяет: «Господи, да будет воля Твоя, а не моя». Ему легче всех, он счастлив. Тем, что он дитя, и у него есть Отец, к стопам Которого он припадет: его и накажут, и обласкают, и поймут, и простят. И направят на путь истинный — Бог предоставляет верующему самому делать выбор.

Неверующий человек говорит: «Какой еще Бог? Я сам! Мы — сами!» И начинает все делать сам. Для неверующего человека человек вообще, Человек Царствующий, является альфой и омегой и цивилизации, и культуры, и всего бытия. Все для человека, все во имя человека! Человек, опьяняясь идеей помощи самому себе, легко может и обмануть сам себя. Ему выгодно обманывать других; но и себя он обмануть не прочь — просто даже потому, что так удобнее жить. Все можно оправдать тем, что тот, кому приказали: делай! — все не так сделал. И — наказать его! В тюрьму, на плаху!

Вспоминаю Бетховена, знаменитый случай с его учеником Францем Рисом. Ученик закончил переписывать рукопись учителя. Бетховен приходит с прогулки домой и видит на столе титульный нотный лист. На нем начертано рукой Риса: «Закончено, с помощью Божией». Бетховен окунает перо в чернильницу и быстро, рассерженно пишет поверх блаженного автографа Риса: «О человек, помоги себе сам!»

И это тот Бетховен, что под конец жизни создает последние сонаты, последние квартеты, Торжественную мессу, Девятую симфонию — музыку, продиктованную Богом и обращенную прямо к Богу...

Но довольно сантиментов. Субъектом человеческой истории является именно человек. Есть еще и биоистория — история возникновения жизни на земле; дальше внутрь времен пойдем — геоистория: здесь речь о том, как планета зародилась и как развивалась. Есть еще и космоистория — она называется космогония, это наука о происхождении планет, звезд и галактик. Существование человечества как такового, как феномена, завершающего всю мегаисторию, занимает на этой стреле времени слишком маленький отрезок. Нам пока нечем гордиться. Мы еще не перешли порога Синеда Роба — и не дай бог нам его когда-нибудь перейти. Но если нам удастся упасти себя от обреченности, если детерминизм сменится на вариабельность, если, как бы сказал верующий человек, мы поборем дьявола, тогда другим станет сам предмет разговора.

А отдельная личность — что ж, у нее всегда свой выбор. Мы, каждый, видим неодолимость смерти. И чем ясней и безусловней мы осознаем неизбежную смерть, тем ярче, полнее, сильнее и прекраснее мы живем свою жизнь. Живем каждый день как последний.

А неодолимые силы в цивилизации — вот они, они же всегда перед нами; они — наш плакат, наш учебник, наша жестокая агитационная брошюра. Мы можем им верить и пойти вслед за ними, беспрекословно салютуя им и повинувшись им, а можем и не верить! Если Бог изначально назначен разделить людей на овец и козлищ и если воистину будет Страшный суд — вот вам и результативность, вот мощнейший ответ на все наши вопросы. Страшный суд, последний Приговор и Жена, облеченная в Солнце. Все уже воссоздано в Откровении; для кого-то это бабушкины сказки, для кого-то — великая истина в последней инстанции, от которой на мятущуюся душу нисходят свет и покой.

Как следует вести себя мне самой, я могу тут ответить. Перекреститься и спокойно глядеть на то, что произойдет, если оно и вправду будет происходить. Мы не уйдем от судьбы. Не уйдем от смерти. И не уйдем от гнева Божьего.

Бедные, мы себя так ведем по отношению к Земле, что, если она живая, если она — по Станиславу Лему — наша планета Океан, она давно уже должна была крепко разгневаться на нас, ее мучителей, и навеки поглотить нас. И больше не возвращать в этот мир.

3. Никогда и нигде, ни в одной земле, ни в одном государстве нет некоей инициативной группы, что способна была бы собраться, выработать блестящий план, вписать туда ряд великолепных проектов и назвать это все: «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА». И выиграть тендер. Беда в том, что сам человек и есть исторический процесс! И, значит, он должен взаимодействовать сам с собой! Эта историческая тавтология — тупик. Что касается масс, рассматриваемых в свете глобальных социальных движений, то массы сейчас разделяются не на множество классов, как раньше, а, варясь в едином цивилизационном вареже, отчетливо сохраняют только два лика: богатых и бедных. Ты богат, или ты беден — вот и вся твоя характеристика. Конечно, классовые различия еще имеются, но они стираются тем легче, чем быстрее цивилизация движется к тотальному социуму, к глобализму.

Кто же будет теперь толкать историю вперед? Какой пассионарный класс? Богачи или бедняки? А может, борцы с терроризмом?

Никто не знает...

Ход времен всегда предвидели ПРОРОКИ. От библейских Иезекииля, Иеремии и Исаяи до Нострадамуса и Ванги, во все века, особенные, не как все рожденные люди предвидели и провидели время. Но эти биографии земных пророков у многих ассоциируются с откровенной мистикой. Если же без мистики — ученые, историки, философы, но так или иначе ОТДЕЛЬНО ВЗЯТЫЕ ЛИЧНОСТИ предвидели ход истории. Они его осмыслили, продолжали в будущее, вслепую нащупывали ходы, а иной раз

и ясно видели эту тяжелую временную поступь. И фиксировали ее для людей. Для грядущего.

Нас всех интересует будущее. Люди посещают гадалок и экстрасенсов, чтобы заглянуть туда хоть краем глаза. Не лучше ли возблагодарить Бога за то, что мы не знаем этого? Никто не знает часа своего. И это прекрасно. Ведь у нас тогда в запасе вечность.

Евгений Степанов, писатель (Москва)

1. Полагаю, что такие исторические закономерности существуют. Одна из них заключается в том, что социально-общественные формации претерпевают изменения очень медленно и некардинально. Демократия приживается в большинстве стран очень неохотно. Игорь Яковенко в статье, опубликованной в журнале «Нева», пишет: «Ни государство, ни национальная идентичность, ни социально-политическая система не даны человеку как вечные и неизменные...»

Я с этим и согласен, и не согласен.

Конечно, ничего вечного (кроме души) нет. Но вот социально-политические системы, по большому счету, меняются не сильно. То есть оболочка меняется, а суть остается прежней.

Как правило, обществом управляют одни и те же (одинаково устроенные) люди (а также их потомки). Это крошечный процент наиболее активного и пассионарного населения, который будет управлять при любом режиме, будь то социализм, капитализм, рабовладельческий строй или феодализм, который, на мой взгляд, сейчас довольно прочно укрепился в России и во многих других странах. Этим пассионариям, по сути, все равно, как называться. Например, бывший губернатор Нижегородской губернии Шанцев раньше был первым секретарем Перовского райкома партии, а президент Ельцин — первым секретарем Свердловского обкома. Подобные примеры могу приводить долго. Множество олигархов (некоторых из них я знаю лично) раньше работали в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, райкомах и горкомах партии и комсомола (кстати, М. Б. Ходорковский, если не ошибаюсь, трудился во Фрунзенском райкоме ВЛКСМ), КГБ, профсоюзах и т. д.

Нужно признать: есть бедные и богатые, активные и ленивые, родовитые и безродные, умные и глупые. Человечество неоднородно. И, разумеется, те, кто сильнее, будут стараться устроить себе более комфортную жизнь.

При этом не надо забывать, что даже при капитализме есть *жизненно необходимые* элементы социализма, социальной защищенности (самый яркий пример — шведская модель общества, германская). И даже при сталинском социализме, который я, разумеется, не идеализирую, были элементы капиталистического строя.

Вот цитата из книги, составленной Л. Г. Коноваловым: Сталин. Цитатник. — М.: Махаон, 2016: «...Сталин создал великолепно работающую систему предпринимательства — честного, производственного, а не спекулятивно-ростовщического. В то время функционировало сто четырнадцать тысяч частных мастерских и предприятий в сферах пищевого, химической промышленности, металлообработки, ювелирного и даже оборонного дела. На них работало около двух миллионов человек. Частными предприятиями производилось 40 % мебели, 70 % металлической посуды, более трети всего трикотажного, почти все детские игрушки. При этом на два года частные предприятия освобождались от большинства налогов и госконтроля над розничным ценообразованием. У госпредприятий таких льгот не было. В предпринимательском секторе работало около 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории и даже два

научно-исследовательских института. В этом секторе действовала своя, негосударственная, пенсионная система, а артели могли предоставлять своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента, оборудования, строительство жилья».

Бизнес существовал и при так называемом брежневском «застое». Продавцы на рынках, шабашники, профессиональные спортсмены, деятели культуры, искусства и науки, которые получали гонорары за свои литературные произведения, концерты и статьи... Я уж не говорю про нелегальных предпринимателей — всевозможных цеховиков, арендодателей квартир, комнат и углов, частных маклеров и т. п. Все, кто хотели и могли заработать, зарабатывали.

Есть бизнес и в постперестроечной России. Он не всегда белый, а часто, как говорят, серый.

То есть речь идет всего лишь о *степени* легитимности предпринимательской деятельности в той или иной общественно-экономической формации. В какие-то эпохи такой легитимности больше, в какие-то — меньше. Но процент активного (пассионарного) населения сильно не увеличивается. Большинству людей достаточно того, что даст государство, партийный функционер, хозяин, начальник или кто-то еще.

Основная историческая закономерность заключается в том, что люди — разные. И пассионариев меньше, чем обывателей. И пряников на всех не хватает.

2. Движущими силами истории являются пассионарии — 5 % населения земного шара. Это им постоянно что-то нужно, это они открывают Америку, устраивают революции, завоевывают Северный полюс, открывают космос, прокладывают новые торговые пути, создают рабочие места и т. д. Важно — куда направлена активность пассионариев.

Что было сделано в не худшее для нашей страны брежневское время? Над пассионариями-управленцами был серьезный надзор — партия, Комитет партийного контроля, возглавляемый А. Я. Пельше, КГБ и т. д. Да, они, пассионарии-управленцы, конечно, были состоятельными людьми, имели лучшие квартиры в домах ЦК, казенные дачи, путевки в Пицунду и Ялту, спецпайки, но не более того. И при этом работали. Очень много и эффективно работали. Свой инстинкт пассионариев-управленцев они реализовывали прежде всего в силу заложенных природой дарований, жажды власти, даже чувства ответственности.

Перестройка отменила (как выяснилось, на время) контроль. И вот тогда эти самые пассионарии-управленцы пустились во все тяжкие, превратившись реально в феодалов.

И не случайно многие из них оказались в дальнейшем на скамье подсудимых.

Сама система вседозволенности оказалась пагубной.

3. Знаю точно, что такая передовая группа есть. Это люди, которые имеют *собственное* дело. Причем неважно, в какой экономической сфере это дело и сколько у тебя сотрудников.

Бизнес дисциплинирует, делает человека лучше. Ты не имеешь право подвести клиента (иначе он уйдет от тебя), обидеть коллектив (иначе сотрудники уволятся), ты должен постоянно учитывать баланс интересов. Предприниматель не имеет права обмануть — репутация в бизнесе дороже всего. Обманешь в малом — потеряешь все. То есть вести дела нечестно просто невыгодно.

Конечно, далеко не все могут заниматься бизнесом. Это особый дар, особое состояние души.

Я думаю, что задача государства заключается в том, чтобы, максимально заботясь о пассивном большинстве, поощрять в энергичных, целеустремленных людях стремление к свободе, к труду на собственные средства производства, увеличивать — хотя бы медленно, постепенно! — число граждан, работающих не по найму, а на собствен-

ных (пусть и микроскопических) предприятиях. Свободный человек полезен государству, как никто, — он создает рабочие места, платит налоги, он берет ответственность за себя, за коллектив. И в конечном счете — за страну и мир.

Михаил Стригин, поэт, философ (Челябинск)

О соотношении объективного и субъективного в истории человечества однозначно сказать невозможно по той причине что оно разное на разных этапах существования цивилизации. Но то, что силы, скрывающиеся под каждым из этих понятий, играют свою роль, и часто существенную, это почти очевидно, что проявится в дальнейшем размышлении. Как и в любой аварии, имеются два ее участника, при наличии одного авария как таковая невозможна. История творится противостоянием личности и социума. Отсылаю читателя к моей статье [Стригин М. Б. Аналитический и синтетический этапы эволюции произвольных систем: онтологические особенности и характеристики // Современный ученый. 2018. № 8. С. 31–39], где было показано, что произвольная система ведет себя подобно нелинейному маятнику. Социальные группы (политическая партия, общество книголюбов, государство) — это различные виды систем, которые можно описать при помощи ряда параметров (правил внутреннего устройства, законов). Обычный, хорошо нам известный маятник гармонично осциллирует между двумя точками. Нелинейный маятник отличается от него тем, что он ведет себя гармоничным образом только в определенный период, а затем в некоторый момент начинают сказываться несущественные на первый взгляд факторы, и система — маятник начинает двигаться хаотически, а спустя еще некоторое время скачком выходит на новую устойчивую траекторию. Скачок имеет сингулярный вид. Социальные группы ведут себя аналогично нелинейному маятнику, отличаясь только масштабом и временными длительностями.

Любая социальная группа после ее возникновения форматируется кем-то — и общество книголюбов, и ЛДПР, и государство имеют своего лидера и свою основополагающую метафору, выражаясь иначе, свой основной лозунг. На этом этапе роль личности превалирует над социумом, когда воля и харизма личности в состоянии повести за собой. На основании явленного лозунга формируются основные параметры системы — социальные законы, определяющие его существование, после чего социальная группа, государство в том числе, входит в гармонический период, когда система осциллирует между двумя точками, определяемыми инертностью социума и его активностью. На этом этапе роль личности несущественна, социумом управляют законы. Но в определенный момент начинают сказываться скрытые факторы, они могут быть как внутреннего характера, так и внешнего. Внешние — это чаще всего объективные, связанные с ресурсами причины, которые выходят на первый план. На физический маятник подобным образом влияют как внутренние факторы, например, растягивается подвес (усталость материала), так и внешние — происходит столкновение с посторонним телом. В системе государство внутренними факторами является, например, усталость от однообразия жизни в рамках установленных законов, которая провоцирует недовольство, внешними факторами являются, например, изменение климата и исчерпывание ресурсов. И тогда система под названием государство входит в хаотический, рассогласованный период. На этом этапе роль личности также несущественна, в обществе царят страх и паника. Но одновременно внутри социума идет поиск новой личности, которая согласует в новом контексте систему — государство, который сингулярно выведет ее на новый уровень. Этот этап прекрасно описан Достоевским в романе «Бесы», когда социум устал от монархии как формы устрой-

ства государства. Следующий этап — этап синтеза, когда новый лидер рождает новую метафору — новый лозунг, формирующий новые законы. На этом этапе роль личности вновь становится преобладающей. Социум участвует в формировании законов в той или иной мере. И дальше система — государство эволюционирует по уже описанному порядку. К этому можно добавить, что гармонический этап государства по своей сути может иметь две структуры: либо демократию, либо тоталитаризм, и чаще всего они сменяют друг друга.

Выразив общую концепцию, можно ответить на поставленные вопросы следующим образом.

1. Существование трех периодов в эволюции произвольной системы, в том числе государства, — это объективный закон, который никак не зависит от человека. Один из самых поразительных и объективных нюансов жизни субъекта заключается в том, что усталость от существующего миропорядка начинает появляться в нем уже сразу после появления этого порядка, которая наравне с объективными внешними факторами подтачивает любую идеальную систему и приводит к периоду хаоса. Человек, с одной стороны, стремится все упорядочить, с другой стороны, он тут же начинает этот порядок разрушать.

2. Роль субъекта существенна на этапе синтеза. Но в этот период реализация потенциала человека в области социального чревата большими рисками для него, поскольку этот период характеризуется крайней неустойчивостью. В остальные периоды социальная активность субъекта не принесет значительных плодов. Но поскольку точек приложения энергии человека большое множество, то он может реализовать свой потенциал в других творческих направлениях. Участие человека в социальной жизни можно проиллюстрировать следующей метафорой: социум напоминает волну, в которой каждая частица играет свою роль, но наверх выносит единицы, большинство остаются подложкой для вершины волны. Именно тот факт, что каждый субъект принимает участие в социальной жизни, осложняет предвидение ее результатов, поскольку вероятность какого-то события, например, того, что вы станете мэром, определяется множеством параметров. И несмотря на пессимистичность по поводу того, что на выборах все предопределено, практика часто показывает обратное. Об этом говорят последние выборы в США.

3. Можно попробовать на эту роль поэтов, они во все времена обладали даром предвидения. Но если серьезно, то именно интеллигенция формирует зачатки следующего периода по причине того, что просвещение формирует идеалистичный взгляд на жизнь. А поскольку любая социальная система — это давление отдельного субъекта над обществом, она не может быть идеальной для всех. Выражаясь старинной поговоркой: кому-то арбуз, а кому-то свиной хрящик. И поэтому появляются персонажи подобно Марку Волохову из произведения «Обрыв» Гончарова, которые хотят перекрыть систему на свой лад. Но формируя следующий этап, интеллигенция автоматически предвидит его, а поэты, подобно Достоевскому, разоблачают их.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*